

Георгий Чулков

Парадиз

Георгий Чулков

Парадиз

«Public Domain»

1909

Чулков Г. И.

Парадиз / Г. И. Чулков — «Public Domain», 1909

«Жить стала Наташа, как во сне. Тяжело засыпала под утро. Часто просыпалась, вскакивала с постели и, босая, бежала к умывальнику; обливаясь водой, пила воду жадными глотками прямо из графина и потом опять клала свою угарную голову на подушку, чтобы все забыть и уснуть...»

© Чулков Г. И., 1909

© Public Domain, 1909

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Георгий Иванович Чулков

Парадиз

Александру Блоку

I

В тот, памятный для Наташи, вечер шла она от всенощной из церкви Успения. И нельзя было понять, радость или печаль на сердце. Хотелось тишины, и любви.

В сердце еще пел хор: «Се бо Эммануил грехи наши на кресте пригвозди...» А потом слова как-то уплывали из памяти, звучал лишь напев, но на углу Большого проспекта опять вспомнилось: «И живот давай, смерть умертви, Адама воскресивый...»¹

«Смерть умертви!.. Хорошо», – думала Наташа, чуть не плача.

– Премудрость, прости, – шептала Наташа с умилением и даже не старалась понять, что это значит. Пусть. Все равно.

Наташа твердо знает, что, когда дьякон скажет торжественные слова, хор полетит, точно на крыльях ангельских, и прозрачные голоса запоют неземную песнь.

И в тот вечер пелась эта песня. Наташа стояла на коленях, забыв обо всем: у нее кружилась голова от счастья. Когда она пришла домой, матери и братишки не было, и за столом сидел вотчим: и по тому, как он неловко уперся локтем на стол, Наташа догадалась, что вотчим пьян.

– А здарсьте, Клеопатра² наша! – сказал вотчим. Здарсьте, царица египетская... Важность – фу-ты, ну-ты. А позвольте спросить, откуда спесь. Я ли тебе не как отец родной?

Наташа ничего не ответила и пошла к себе за перегородку.

– Наташка! Чего ломаешься! Тебе говорят: поди сюда. – И не дожидаясь ответа, вотчим сам полез к ней за перегородку.

– Прочь подите. Матушке скажу, – бормотала Наташа, отбиваясь от пьяных и похотливых рук, которые валили ее на постель.

От вотчима горько пахло пивом, и было противно и трудно бороться с этим большим, пьяным, волосатым человеком.

Наконец, Наташа, неловко ударив вотчима по лицу локтем, вывернулась из-под него и без накидки, в одном платке, побежала к тетке.

Весенняя белая ночь пахнула на Наташу теплой влагой, и пока Наташа торопливо шла к дому тетки, ей все казалось, что в небе кто-то поет «Свете тихий» высоким ладом, как мальчишки-певчие.

А в доме тетки уже все спали, только сама тетка стояла у комода, в ночной кофте, просто-волосая, считала дневную выручку. Наташу расспрашивать не стала. Догадалась, в чем дело. Молча указала на сундук и дала подушку.

Рано утром, перед тем как идти в табачную лавочку, тетка Серафима говорила Наташе нараспев:

– И там, милая, люди счастье себе находят. Дарья Ивановна, слава Тебе Господи, живет теперь барыней, а была такой же девчонкой, как ты, бегала по лужам босоногая. Ужо сведу тебя к ней, небось, возьмет: она мне тем боль кума.

---

¹ Слова Воскресной всенощной молитвы благочестивого Патриарха Царьградского Анатолия.

² *Клеопатра* (69–30 до н. э.) – последняя царица Египта, с 51 г. была любовницей Юлия Цезаря, после – Марка Антония. После поражения в войне с Римом покончила жизнь самоубийством. В рассказе имя Клеопатры призвано подчеркнуть и гордость героини, и ее будущую «профессию» блудницы.

Наташа осунулась и побледнела за эту ночь, глаза У нее были печальные и строгие, и жалко было смотреть на ее тоненькую фигурку в нескладном черном платье. Наташа едва слушала тетку и тихо бормотала:

– Мне все равно, тетушка. Все равно.

Когда после обеда пришли к Дарье Ивановне, у нее сидел гость – молодой человек, белокурый, завитой, в модной паре.

– Значит, мы на вас надеемся, – говорил он, покручивая усики, – заедем за Катюшей на автомобиле в одиннадцать.

Молодой человек простился и ушел, и было слышно, как в коридоре он стучит толстыми «американскими» подошвами.

– Позднякова, заводчика, сынок, – пояснила Дарья Ивановна.

– Я к вам с племянницей, – говорила тетка Серафима, подсаживаясь к столу и принимая из рук Дарьи Ивановны рюмочку померанцевой.

Наташа осмотрелась.

По стенам висели бумажные веера и олеографии с голыми женщинами, на тумбе стоял гипсовый амур, пахло чем-то приторным и сладким.

– Она у вас миленькая, – сказала Дарья Ивановна и притянула к себе Наташу, – худая только, щупленькая. Мы ее, как индюшечку, откормим.

– А это трудно – петь? – спросила Наташа, с недоверием поглядывая на Дарью Ивановну.

– Пустяковина. Сегодня попробуем. Вы у меня уж и оставайтесь, пообедаем вместе.

К обеду пришла Катюша, совсем молоденькая, с припухшими губами и утомленными влажными глазами.

«Как же она живет? – думала Наташа. – Как?»

– Это от симпатии моей, – сказала Катюша и поставила на стол букетик из ландышей.

– Ах, уж эти симпатии, – сказала Дарья Ивановна, – одна канитель.

– Помалкивайте лучше, – огрызнулась Катя, – вам бы только запрятать девушку – и больше никаких.

– Ну, ну, – сказала Дарья Ивановна, – девка. Вот в одиннадцать Поздняков на автомобиле заедет. Принарядись.

Когда пришли в сад, на сцене шла репетиция: горбун и горбунья пели шансонетку.

В оркестре сидел один пианист, рыжий человек, с равнодушными глазами.

– Вот, хозяин, новенькая, – сказала Дарья Ивановна, подвигая Наташу к большому усатому господину в цилиндре.

На столах, без скатертей, торчали стулья ножками вверх; какая-то баба в пестрой юбке протирала стекла на веранде.

За кулисами пахло сыростью, масляной краской и шипело электричество.

– Познакомьтесь, – сказала Дарья Ивановна и толкнула Наташу в маленькую уборную. Там сидели три девицы.

– А я никогда не поверю, что мужчины от женщин заражаются, – говорила маленькая брюнетка Аглая, – никогда не поверю. Другой налижется, как сукин сын, а потом – небось – женщина виновата.

– А если со мной случится что, я утоплюсь, – сказала Лидочка, тоненькая девушка лет семнадцати, с японскими глазами и движениями зверька, попавшего в клетку.

На Наташу не обращали внимания. Аглая и Лидочка были одеты мальчиками, а третья девушка, Соня, была в розовом коротком платье, какое делают маленьким детям, в розовых чулках и туфлях, а в руках держала куклу. От черных полос под веками блестели глаза. Кто-то крикнул:

– Пожалуйста репетировать.

Дарья Ивановна поставила Наташу перед рампою рядом с Соней.

Рыжий пианист забарабанил по клавишам, и Соня запела, поднимая розовое платье и неестественно пристукивая каблуками:

Однажды вечером
Мы вышли погулять.
Хотелось нам тайком
На воле поиграть.

Соня делала глазки воображаемым зрителям, прижимала куклу к обнаженной груди и пела:

Мы миленькие детки,
Мы любим пирожки
И все мы однолетки —
Подруги и дружки.

Дарья Ивановна заставила Наташу приподнять юбку. И Соня опять запела:

И много уж секретов
Хранится от мамаш,
Порой мы без корсетов
Играем в ералаш.

Наташе казалось, что это сон, что это не по-настоящему, что вот сейчас кто-нибудь засмеется и скажет: «Довольно», — и рыжий пианист, улыбаясь, перестанет барабанить по клавишам, и Соня сотрет румяна и наденет скромное платье. Но сон продолжался.

Пили, стоя у буфета, чай. Потом пошли за кулисы. Пришел венгерец с контрабасом и что-то говорил Соне на непонятном языке и обнимал ее. И контрабас чуть-чуть загудел, когда венгерец неосторожно поставил его в угол.

Вчерашний день казался Наташе далеким прошлым. И темный тяжелый вотчим, и золотая всенощная с ладаном и с таинственным пением — все отошло куда-то в синеватую даль. И голоса оттуда едва долетали, как из другого мира.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.